

Перед Цзян Си вырос какой-то толстячок, преграждая ему путь.

Цзян Чжоу, вернувшийся всего через пару минут, поначалу нахмурился — мол, стоит только отойти, как малого уже кто-то задирает. Но, услышав грозное требование выдать «печенье с желтком», он не выдержал и прыснул.

С самым непринужденным видом он подошел к пацану и, засунув руки в карманы, весело спросил у Цзян Си:

— Ну да, колись: печенье-то тебе досталось?

Толстячок обернулся на голос:

— А ты еще кто такой?

— А ты? — Цзян Чжоу вздернул бровь.

От одного его вызывающего вида у сверстников-то поджилки тряслись, что уж говорить о мелюзге. Толстяк невольно втянул голову в плечи, крепче сжал палочку с танхулу и опасно покосился на Цзян Си:

— Ты... ты его знаешь?

Цзян Си едва успел издать неопределенный звук, как Цзян Чжоу уже притянул его к себе за плечо.

— Так ты пристал к нашему Цзян Си только из-за какого-то печенья?

— Ну... ну да, — запинаясь, кивнул паренек, но тут же упрямо добавил: — Печенье Ван Жунжун точно у него!

— Нет, — Цзян Си закусил губу. — Она мне ничего не давала.

— Врешь! На День святого Валентина я сам видел, как вы... — Толстяк наткнулся на ледяной взгляд Цзян Чжоу и нервно облизнул губы. — Короче, вы были вместе! И не я один это видел.

— Говорю же, нет, — повторил Цзян Си.

— Ладно, — с едкой ухмылкой перебил Цзян Чжоу. — Раз Цзян Си сказал «нет», значит — нет. Нам еще гулять надо, так что не загораживай дорогу... маленький коллега.

— Все равно я прав, — обиженно буркнул толстяк и, сверкая глазами, поплелся прочь.

— Твой одноклассник? — Цзян Чжоу едва сдерживал смех. — А эта Ван... как её там... Жунжун? Тоже из вашего класса? Слушай, вы в таком возрасте уже Валентинов день празднуете?

— Я не праздную, это мне подарок подарили, — пояснил Цзян Си. — Она правда отдала мне печенье, поэтому Сюн Ци и... расстроился.

Цзян Чжоу зацепился сразу за два момента. Согнувшись пополам, он схватился за живот:

— Погоди, как, ты сказал, зовут этого пухляша? Сюн Ци? Ой, не могу... «Мужайся», серьезно?! Ха-ха! О чем только думали его родители, когда имя выбирали?

— А что не так? — Цзян Си не понимал, над чем тот смеется, но, глядя на веселье брата, невольно расслабился.

— Да забей. Давай ко второму вопросу... та самая Ван Жун... — Цзян Чжоу снова закусил губу, пытаясь сохранить серьезное лицо. — Ладно. Так печенье она тебе всё-таки всучила? Почему ты соврал этому колобку?

— Потому что Ван Жунжун очень просила взять его и никому не рассказывать, — резюмировал Цзян Си. — Девочек лучше не злить.

Физическую боль он еще мог стерпеть, а вот против девчачьих слез был бессилён.

— Ну ты даешь, мелкий, — Цзян Чжоу потрепал его по макушке. — Вырастешь — станешь настоящим сердцеедом.

По мнению Цзян Чжоу, Цзян Си, может, и обладал талантом очаровывать девчонок, но вот вкус в одежде у него был зарыт где-то глубоко под землей. Мальчишка упорно пытался сочетать ярко-красную футболку с ядовито-фиолетовыми шортами, а когда не вышло — потянулся к темно-зеленому и ярко-желтому. Цзян Чжоу только разочарованно качал головой.

— Ну-ка, иди сюда. Вот это будет в самый раз, — он решительно отстранил паренька и сам выбрал вещь. — Знаешь, как этот цвет называется?

— Как? — Цзян Си присмотрелся. Цвет был приятным.

— Это нежно-лиловый. Тебе точно пойдет.

В дополнение Цзян Чжоу выбрал светлые шорты, носки и белье. Комплект готов!

Вернувшись в отель, Цзян Чжоу бросил пакеты с покупками и повалился на кровать:

— Иди первый в душ.

— Угу, — Цзян Си аккуратно взял свои обновки.

Цзян Чжоу прикрыл глаза, собираясь вздремнуть, но тут же вскочил и постучал в дверь ванной:

— Полотенца бери любые, под раковиной есть одноразовые щетки.

Шум воды на мгновение стих, и раздался звонкий голос:

— Хорошо, я понял!

Прилѣгши на кровать, Цзян Чжоу достал телефон. В общем чате Чжоу Сяодун уже всю хвастался фотографией: одна из его сестер-близняшек нарисовала портрет — какого-то запредельно уродливого мужика. Подпись гласила: «Мой самый любимый человек».

Чжоу Сяодун: «Это я! Это про меня!»

Цзян Чжоу: «Заметно. Похоже, сестра тебя ненавидит».

Чжоу Сяодун: «Ты задание-то читал? "Самый любимый человек" — это Я! Понял?»

Цзян Чжоу: «Ой, всё».

Подумаешь, картинка. Цзян Чжоу фыркнул, но в душе кольнула легкая ревность: почему его домашняя козявка никогда его не рисовала? Целую неделю брата нет дома, а она только и ждет подарков да вкусняшек. Совсем не мило!

Цзян Чжоу отбросил телефон. Раз уж зашла речь о рисовании — он ведь задолжал учителю двадцать набросков. Придется наверстывать прямо сейчас.

Когда Цзян Си вышел из душа, Цзян Чжоу всё еще сидел на полу, привалившись спиной к кровати, и увлеченно рисовал. Он был так сосредоточен, а Цзян Си ступал так тихо, что

заметил его, только когда капля воды с влажных волос упала прямо на руку художника.

— Напугал до смерти! — вздрогнул Цзян Чжоу.

— Извини, — улыбнулся мальчик. — Это домашнее задание?

— Ага. Уроки можно и прогулять, а вот хвосты сдавать надо, — Цзян Чжоу снова склонился над планшетом.

Цзян Си заметил рядом внушительную стопку листов:

— Это всё твои работы? Можно посмотреть?

— Да, бери любые.

Цзян Си подошел ближе. Снизу лежали чистые листы, а сверху — пара акварелей с видами Западной деревни. Эти старые, покосившиеся дома на бумаге Цзян Чжоу выглядели иначе — в них будто появилась душа, скрытая история. Цзян Си подумал, что в следующий раз обязательно присмотрится к этим развалюхам получше.

— На сегодня хватит, — Цзян Чжоу отложил планшет. — Моя очередь в душ.

Цзян Си послушно принялся складывать его принадлежности.

— Всё, малыш, ложись спать, — потянулся Цзян Чжоу.

Он зашел в ванную, умылся и увидел, что Цзян Си уже выстирал свои старые вещи и аккуратно развесил их на плечиках. Цзян Чжоу выдавил пасту, сунул щетку в рот и одной рукой подхватил вешалки, чтобы вынести их на балкон.

— Кстати, Цзян Сиси, я привык спать при включенном ночнике, не знаю, удобно ли тебе будет...

Цзян Чжоу осекся, выйдя из ванной. Мальчик на кровати уже спал.

«Вот это да... Я хоть на минуту заходил? Секунд сорок прошло».

Вырубился мгновенно — завидная суперспособность.

Цзян Чжоу повесил вещи на балкончик — за ночь на ветру должны высохнуть. Затем он встал у

кровати, продолжая меланхолично чистить зубы и разглядывать спящего. Тот сопел тихо и мерно, длинные ресницы замерли на щеках, словно две пушистые кисточки.

«Ну и спящая красавица».

Вернувшись в ванную, Цзян Чжоу сплюнул пену и, подражая пафосному тону из маминых любимых дорам о дворцовых интригах, пробормотал под нос:

— Я уже устал повторять, до чего он милый.

В поселке Чжу особо ловить было нечего. Туристы, которых привлекали древние постройки, делились на две категории: ворчливые пенсионеры и «артисты», вроде их компании, решившие приобщиться к прекрасному.

Завтракая в отеле, Цзян Чжоу слушал рассказы Цзян Си о местных достопримечательностях и понимал — смотреть там особо не на что.

— И куда податься? Тут поблизости есть парк аттракционов? — Цзян Чжоу ткнул вилкой в глазунью.

— Это очень далеко. Сюн Ци хвастался в классе, что туда ехать больше трех часов на машине.

Цзян Чжоу вздохнул:

— Ладно, тогда просто побродим. У тебя есть какое-нибудь заветное место?

— Есть! — Мальчик радостно просиял.

Цзян Чжоу невольно улыбнулся:

— Ну раз есть, значит, идем. Доедай быстрее.

Когда у Цзян Си загорался этот взгляд, он становился ну очень... в общем, вызывал острое желание потискать его за щеки или потрогать эти невозможные ресницы. Особенно в этой новой лиловой футболке. Цзян Чжоу пришлось приложить немало усилий, чтобы сдержаться.

Место, куда они пришли, оказалось вполне обычным — книжный магазин. Фасад был стилизован под старину: тяжелая деревянная вывеска с резной надписью «Книжный бар Сеи».

При входе звякнул колокольчик, в нос ударил густой аромат кофе. Полок было много, но всё внимание Цзян Си сразу приковали стеллажи с комиксами в центре зала.

— Тут, если хочешь посидеть и почитать, нужно что-то заказать, — шепотом предупредил он.

Цзян Чжоу кивнул:

— Иди выбирай, я подожду у окна.

Официант принес меню. Цзян Чжоу заказал себе капучино, а Цзян Си... ну, бабл-ти с жемчужинами, дети же такое обожают. Мальчик вернулся с охапкой книг: пара томов манги и сборник притч.

— О, научные комиксы! У меня дома тоже такие... — Цзян Чжоу спохватился, заметив, что соседи за другими столиками слишком сосредоточены на чтении, и понизил голос до шепота: — У меня их полно.

— Здорово, — Цзян Си улыбнулся.

— Тебе правда нравится? — Цзян Чжоу придвинулся ближе. — Давай я тебе свои пришлю? Я их всё равно уже перерос.

— Правда?! — Цзян Си восторженно округлил глаза.

— Ага. Только они старые уже, пару лет валяются. И на некоторых страницах я, кажется, что-то черкал, — Цзян Чжоу стало немного неловко.

Читать он с детства не любил, а родители из принципа забивали полки книгами. От раздражения он частенько пускал «литературу» на клочки или рисовал прямо на полях.

— Это неважно... — Цзян Си хотел было поблагодарить его, но в этот момент принесли напитки.

— Вкусно? — спросил Цзян Чжоу.

Мальчик закивал, а потом приподнялся и зашептал ему на ухо:

— Тебе, наверное, тяжело так долго говорить шепотом?

Цзян Чжоу почувствовал щекотку от его дыхания и со смехом отстранился:

— Вовсе нет.

Цзян Си снова придвинулся к его уху:

— Если устал, мы можем уйти.

— Читай давай. Сегодня весь день твой, — Цзян Чжоу ладонью прижал макушку паренька, заставляя его сесть, и почесал затылок.

У Цзян Си подозрительно защипало в носу. Уже во второй раз за короткое знакомство ему нестерпимо захотелось расплакаться перед этим человеком. Такое чувство он испытывал только после смерти дедушки. Потом, когда он остался без дома, когда его задирали в школе или когда к нему относились как к пустому месту в семье дяди — он почти не плакал. А тут вдруг накрыло.

Цзян Чжоу сидел в телефоне, заскучал. В зале играла тихая музыка, действующая как снотворное. Он зевнул, уронил голову на скрещенные руки и уснул.

Место им досталось удачное: мягкие лучи солнца грели спину, а кондиционер не давал воздуху застояться. Проспал Цзян Чжоу почти три часа. Когда он проснулся, рука затекла, а на правой щеке отпечатался след от рукава. Цзян Си всё так же сидел рядом, увлеченно перелистывая страницы, — кажется, даже позы не сменил.

«Золотой ребенок. С ним вообще хлопот не оберешься».

Цзян Чжоу постучал пальцами по столу:

— Ты проголодался?

— Немного, — признался Цзян Си.

— А я — очень. Пошли обедать. — Цзян Чжоу взглянул на книгу, которую паренек отложил на середине. — Понравилась? Давай купим, дочитаешь дома.

Цзян Си покачал головой:

— Не нужно. Ты же сказал, что пришьешь свои? Зачем тратить деньги.

Он поспешно, будто боясь, что Цзян Чжоу всё равно заставит купить, отнес книги на место.

Ресторан морских деликатесов «Шведский стол», который Цзян Чжоу нашел по отзывам, выглядел солидно. Цзян Си замялся еще на пороге:

— Тут, наверное, очень дорого.

Цзян Чжоу, не слушая возражений, подтолкнул его за шиворот внутрь. Оплатили на входе: 399 юаней с человека. Цзян Си ахнул и вцепился в рукав Цзян Чжоу:

— Брат Цзян, давай передумаем! Тебе же денег не хватит!

— Ну не знаю, — усмехнулся тот, протягивая карту. — Если не хватит — оставлю тебя здесь в залог.

— Я... я столько не стою, — с несчастным видом пробормотал мальчик.

— Глупости. Будешь у них талисманом, бесценным экспонатом, — Цзян Чжоу спрятал карту в кошелек. — Ладно, отставить панику, я при деньгах.

Девушка на кассе, услышав их диалог, прикрыла рот ладонью, пряча улыбку.

— Садись, я принесу еду, — распорядился Цзян Чжоу, когда официант проводил их к столику.

Про «безлимитку» Цзян Си только слышал. Главное правило, которое он запомнил: не доешь — оштрафуют. Выбрасывать еду — грех. Но Цзян Чжоу правил будто не знал — стол мгновенно заполнился тарелками. Креветки всех мастей, крабы, хлеб, напитки...

Цзян Си указал на ломтики ярко-красной рыбы:

— Это... семга?

— Ага, пробуй. — Цзян Чжоу вдруг подпрыгнул: — Там бараньи ребрышки подоспели, я мигом!

Аппетит у старшего был зверский — Цзян Си заметил это еще вчера, но сегодня Цзян Чжоу превзошел сам себя. Стоило мальчику отлучиться за соком, как целая порция мраморной говядины из котелка исчезла.

Цзян Чжоу закинул новую порцию мяса и окликнул его. Цзян Си тут же отложил палочки и замер в ожидании:

— Да?

— Слушай, ешь давай. В «шведском столе» не принято скромничать. Да и вообще — за едой нужно есть, а не церемониться. — Цзян Чжоу усмехнулся. — И еще: что это за привычка — бросать палочки, стоит кому-то рот открыть? Ты же не робот, чтобы на «паузу» вставать.

— Младшая тётя Цзян Си говорила, что так велят правила приличия, — ответил Цзян Си. Он старался соблюдать всё, чему его учили, хотя получалось не всегда.

— Что за дурацкие правила? — буркнул Цзян Чжоу. — Твои родственники тоже так делают? Чуть кто заговорит — все сразу палочки на стол и слушают, разинув рот?

— Нет... — Цзян Си замялся. — Это младшая тётя специально для меня такое правило придумала.

«Черт бы их побрал!»

Цзян Чжоу подавил желание закатить глаза. Одной этой фразы хватило, чтобы понять, как пацану жилось в доме этих «родственников».

— Со мной так не надо. Ешь спокойно, не дергайся. Неужели самому не надоело? — Цзян Чжоу принялся чистить креветку.

— Не надоело, — искренне ответил мальчик. Он и не думал, что это может быть утомительно.

Удивительно, но весь этот семейный деспотизм будто не коснулся души Цзян Си. Он не злился, не жаловался, не ушел в себя — он просто бережно хранил свой маленький внутренний мир, куда не было входа чужакам. И именно эта его тихая стойкость почему-то задевала Цзян Чжоу за живое сильнее всяких жалоб.

Он сделал то, чего никогда раньше не делал для других: аккуратно положил очищенную креветку в чашку Цзян Си.

Сытые и довольные, они не спеша брели по улицам поселка Чжу.

— Пока дойдем до отеля — как раз всё переварится, — заметил Цзян Си.

— Да ты просто боишься, что я такси вызову, — подколот его Цзян Чжоу. — Маленький скряга.

Цзян Си сконфуженно улыбнулся. На полпути они увидели небольшую площадь, где была установлена красная сцена. Вокруг уже собралась приличная толпа. Цзян Чжоу, обожавший всякую движуху, потащил мальчика в самую гущу.

Оказалось, какой-то бренд бытовой техники устроил рекламную акцию. После дежурных песен ведущий надрылся в микрофон, обещая «скидки века, о которых вы будете жалеть до конца года». Цзян Чжоу уже хотел уйти, но тут объявили розыгрыш призов.

Первым конкурсом был бег «в три ноги» — парный забег со связанными лодыжками. Призы были копеечные, но Цзян Чжоу загорелся самой идеей. Не дослушав ведущего, он потащил упирающегося Цзян Си регистрироваться.

В первой группе набралось шесть пар. Цзян Си и Цзян Чжоу были самыми молодыми. Конкуренцию им составляли двое крепких мужчин и несколько колоритных бабушек с дедушками, которые, судя по решительному виду, были настроены на победу серьезнее всех.

Для разогрева ведущий попросил участников представиться. После «Тигров», «Ласточек» и «Фениксов» очередь дошла до них. Цзян Чжоу глянул на Цзян Си и проорал в микрофон:

— Мы — команда «Лундань»!

— Отлично! Команда «Лундань» — «Драконий Рассвет»! Звучит многообещающе! — подхватил ведущий и переключился на следующих.

Цзян Си стоял как в тумане. Он никогда не участвовал в подобном шуме. За ограждением стояли люди, кто-то наводил на них телефоны. Хоть пар было шесть, камеры почему-то дольше всего задерживались именно на них. Он чутко улавливал обрывки фраз:

— Гляди, какая парочка симпатичных парней.

— Братья, наверное. Красавчики.

Кто-то из толпы даже крикнул:

— Эй, «Драконьи яйца», посмотрите сюда!

Цзян Си готов был сквозь землю провалиться, а Цзян Чжоу весело скалился в объективы, показывая «викторию»:

— Е-е-е! Мы возьмем первое место, Цзян Си! — Он похлопал паренька по плечу. — Мы с тобой — идеальная команда!

В том холодном доме Цзян Си мечтал о тепле, но боялся шума. Со временем он научился фильтровать звуки: плохие слова он просто «выключал». Это не всегда работало идеально, но те голоса, которые ему нравились, он умел выцеплять из любого хаоса и усиливать в своей голове.

Как сейчас. В этом гвалте он слышал только голос Цзян Чжоу. Звонкий, дерзкий и удивительно родной.

— «Лундань», вперед!

Гонка началась. Цзян Си не сразу сообразил, что пора бежать, замешкался на долю секунды... и Цзян Чжоу, только что прокричавший боевой клич, кувырком полетел на землю, увлекая его за собой.

Они всё-таки взяли третье место — даже несмотря на то, что завалились на старте, а потом со смехом карабкались обратно.

— Эх, молодежь, энергия есть, а сноровки не хватает, — добродушно подначивали их старики.

В награду им достался блокнот и брелок-игрушка. Блокнот выглядел неожиданно стильно: формат А5, темно-зеленая обложка «под кожу», перевязанная шнурком, внутри — плотная кремовая бумага без линовки. Брелок же был так себе — кривоватый зеленый динозаврик с косящим глазом.

— Забирай блокнот себе, я всё равно ничего не пишу, — предложил Цзян Чжоу.

— Нет, возьми ты, — настоял Цзян Си. — Ты купил мне вещи, накормил обедом... А мне даже подарить тебе нечего.

— Одежда — это ерунда, да и поел я с удовольствием, так что не бери в голову. Бери давай, у меня этот блокнот только пылью зарастет, а потом в мусорку полетит. — Цзян Чжоу покрутил в руках динозавра. — А вот этот зверь еще посмотрим, сколько проживет.

Всё как вчера: Цзян Чжоу проводил его до ворот больницы.

— Слушай, — замялся он, — твои вещи еще у меня остались. Может, ты и сегодня...

— Нет, — покачал головой Цзян Си. — Я выберу время и заскочу за ними.

Он помолчал и тихо спросил:

— Ты... долго еще здесь пробудешь?

— Три дня, — ответил Цзян Чжоу.

— Понятно.

Три дня. Всего три дня, и он уедет.

Цзян Си вдруг почувствовал, как сердце сжалось от тоски. Впервые он испытывал такое чувство к кому-то, кроме дедушки. Он понимал: они из разных миров. Цзян Чжоу в этом поселке лишь проездом, и когда он вернется в свою яркую, насыщенную жизнь, он быстро забудет этот эпизод.

Но Цзян Си не забудет. Он навсегда запомнит этот чудесный день и этого классного старшего брата по имени Цзян Чжоу.

<http://bllate.org/book/17532/1700809>